

УДК 329.8

Постников Н.Д., Федорченко С.Н.

(г. Москва)

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ИМПЕРСКОЙ И
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (I)

Аннотация. В своей работе исследователи пришли к выводу, что российские до-революционные партии создавались на основе свободной политической ориентации и идеологического самоопределения населения, так как самодержавное государство не стремилось создать собственную политическую партию, легитимирующую правительственный курс. Одновременно авторами отмечено, что современные отечественные партии превратились из важного элемента представительной демократии в механизм легитимации политической элиты.

Ключевые слова: политические партии, партийное строительство, демократия, партология, партогенез, империя, партиома.

N. Postnikov, S. Fedorchenko

(Moscow)

PARTY BUILDING IN RUSSIAN EMPIRE AND MODERN RUSSIA (I)

Abstract. In their paper the researchers came to the conclusion that the Russian pre-revolutionary parties were established on the basis of free political orientation and ideological self-determination of population. The reason of that was the autocratic state's unwillingness to create its own political party which could legitimize the government policy. Simultaneously, the authors note that modern domestic parties have transformed from an important element of representative democracy into the mechanism of legitimation of the political elite.

Key words: political parties, party-building, democracy, parthology, parthogenesis, empire, partioma.

Политические партии – фундаментальный элемент любой демократической системы. Они являются легитимирующей основой большинства современных государств. Но в настоящее время роль и значение партий в политической жизни социума постепенно трансформируется.

Россия обладает уникальным партогенезом – во многих политических процессах, происходивших в начале XX и XXI вв., можно фиксировать определённое сходство. По этой причине научный проект сравнительного анализа российских партий различных эпох представляется весьма актуальным для политической науки.

Методология и теория научного проекта

Важнейшим подходом нашего научного исследования будет компаративистика (сравнительная политология) [11]. На сегодняшнем этапе компаративистское направление широко использует данные экспертных опросов, контент-анализа, маркетинговых исследований и других научных методов. Социологический опрос также будет использоваться в настоящем партологическом проекте. Для нашего исследования важно, что политическая компаративистика анализирует в сравнительном ключе однопорядковые элементы – партии, партогенез, партиомы (партийные системы), технологии партийного строительства и т. п.

Обозначим основные классификаторы, которые будут анализироваться в нашем проекте. Это, во-первых, общетеоретические вопросы – основные партологические концепты (вопросы классификации и терминологии). Во-вторых, будут изучены так называемые «партийные стартапы» (институционализация с учётом причин возникновения партий, их идеологий и программ). В-третьих, важно исследовать архитектуру партийного управления (специфику партийных лидеров, функционеров, активистов). В-четвёртых, требуется обратить внимание на технологии работы с электоратом партий. В-пятых, нельзя упускать из виду генезис партиом. Наконец, в-шестых, представляется важным осмыслить варианты отечественного демократического транзита и разработать конкретные рекомендации в области партийного строительства в современной России. Итак, начнём с первого классификатора – партологических концептов, *попытавшись найти в них нечто общее*.

Известное разделение партий на «левые», «правые» и «центристские» не всегда применимо к российской партиоме. Неслучайно С.М. Липсет отмечает, что сейчас различия между этими идеальными типами партий сильно размылись [40, с. 52–66]. В имперских и современных российских партиях есть своя специфика, и здесь можно отметить несколько иные параллели партийного строительства. Немаловажен тот факт, что большинство учёных выделяет в отечественном партогенезе «системные» и «внесистемные» политические силы. Любопытно, что порой это созвучно и с исследованиями зарубежных партий, фиксирующих «аристократический» партогенез и «провластные» партии.

Партийную систему (партиому) следует считать сложившейся, если политические партии имеют возможность участвовать в борьбе за власть и осуществлять эту власть. Для этого должен существовать отлаженный модус передачи власти с помощью конкурентных выборов. Только тогда

партию можно считать вполне состоявшимся политическим институтом: многопартийная система, двухпартийная система и т. п.

Согласно нашей гипотезе, в Российской империи и Российской Федерации, как и в других странах, происходил демократический транзит путём шаблонного заимствования западно-либеральной модели политических институтов, что вступило в противоречие с существующей политической культурой. В результате отечественный партогенез привёл не к созданию целостной партии, не к варианту модуса парламентаризма, а к своеобразной политической мимикрии, сочетающей традиционные и демократические элементы. При этом современные российские политические партии даже больше создавались «сверху», властной элитой, а не «снизу», группами граждан.

Анализ отечественных и зарубежных партологических концептов показателен – многие исследователи, предлагая свои модели партии, рефреном затрагивали два следующих важных аспекта. Во-первых, учёные, по сути, описывали два варианта партогенеза – создание партий «сверху» или «снизу», хотя это могло фундироваться «аристократичностью», «массовостью», «элитарностью», «кадровостью» и т. п. Во-вторых, авторы рассматривали партии, охраняющие политический режим, и партии, ему противостоящие. Рассмотрим доказательную базу на примерах конкретных теорий.

Одним из первых к серьёзному анализу партий приступил М.Я. Острогорский, выделяя в своей работе три ступени эволюции этих структур – аристократические группы, политические клубы и массовые политические организации [25]. Тем не менее, среди дореволюционных российских учёных незаслуженно забывают партологический вклад русского мыслителя Б.Н. Чичерина, который подробно изложен в его докторской диссертации «О народном представительстве».

Именно Чичерин стал одним из первых партологов, начавших анализировать проблематику «внесистемных» (на тот момент – «левых») партий (созданных «снизу»). Русский учёный выделял «органические» и «неорганические» социальные связи. Первые им классифицировались как тождественные отношения между государственными органами власти, тогда как под вторыми он понимал гражданское общество, негосударственные политические компоненты и партии [3, с. 114–118].

Российскую партию характеризовали как нестабильную ещё в начале прошлого века. Так, П.Н. Милюков различал три направления российских политических сил – «контрреволюционное», «созидательное», завершающее дело революции, и «разрушающее», нацеленное на продолжение революционного процесса. И.Г. Церетели и В.М. Чернов отмечали так называемые «цензовые» силы, связанные с буржуазными элементами, противо-

поставляя их «трудовой» («последовательной») демократии [35]. Выходит, что учёные фиксировали противоречие западно-либеральных шаблонов и российской политической культуры ещё на заре отечественного партогенеза. Фактически, это одна из первых локализаций партий элитистского типа (нацеленных на сохранение политического режима) и партий, стремящихся изменить политический порядок.

Важно осознать, что российские партии, взяв старт с зарубежных концептов демократии, эксплицитно брали курс на приспособление к существующей политической культуре. В этой связи интересны идеи Р. Михельса – он, как и Острогорский, обозначил модус аристократии в партологическом анализе. Учёный писал, что демократические процедуры стали практически единственным механизмом, с помощью которых старая аристократия могла возродить своё господство [41, с. 45]. Эта мысль Михельса актуальна и сейчас – политическая элита стремится надолго удержать власть в своих руках путём контроля над партией. Важен и тот момент, что Михельс описывает особенности партий, нацеленные на консервацию политического режима.

Схожие идеи мы находим и у М. Дюверже. Французский политолог выделяет «массовые партии», связанные с классовой консолидацией трудящихся масс, и «кадровые», появившиеся на основе аристократических групп [36]. Получается, что роль партии по Дюверже зависит от её социальной природы и отношения к власти. Подобную схему дополняет партологический концепт Р. Каца и П. Мэйра, рассматривающих партогенез как эволюцию новых типов партий. Так, они описывают партии элит, партий-картели, массовые партии и так называемые электоральные «всех-лови-партии» (catch-all parties). По их мнению, элитистские партии с хорошо артикулированной идеологией и структурой, внепарламентской организацией (к которым К.А. Мусиенко относит российских кадетов [21, с. 71–75]) просуществовали до 1920-х гг., массовые партии (КПСС) сохранились до середины XX в.

Электоральные «всех-лови-партии», родившиеся из массовых, отказались от чётких идеологических доменов с целью заполучить большее количество избирателей. Одновременно с этим типом партий возникли картельные, описанные ещё О. Киркхаймером. При этом Кац и Мэйр характеризовали такую форму как взаимопроникновение партии и государства с тенденциями сговора между остальными партиями. Картель всячески препятствует проникновению во власть новых игроков. Выходит, что это не только описание контролируемого партогенеза, фундамирующего создание партий «сверху», но и пример партий, стремящихся сохранить политический режим любой ценой.

Немецкий исследователь О. Киркхаймер предлагает, в общем, схожий концепт партиомы, рассматривая «принципиальную оппозицию» (программные установки противоречат основам существующего режима), «лояльную оппозицию» (идеи отличаются от правительственных установок, но в целом не конфликтуют с политическим режимом) и «политическую оппозицию» (близка к господствующей политической силе по стратегическим приоритетам, но предлагающая иные способы их достижения) [36].

Г. Оберреутер, как Дюверже и Киркхаймер, в основе деления политических партий видит не идеологию, а позицию политической силы по отношению к власти. Учёный выделяет оппозицию, отдающую приоритет в своих программах решениям конкретных проблем, партии, предпочитающие консенсус с правящей коалицией, и партии, выбравшие путь конфронтации со всеми перечисленными силами [34, с. 36]. Как видно, это типичный пример описания уже узнаваемой дихотомии – партий, охраняющих политический режим, и партий, стремящихся его разрушить.

Р. Гюнтер и Л. Даймонд дополняют модель партиомы Каца и Мэйра, также учитывая эволюционный принцип развития партий [38]. Авторы пишут, что первые элитные партии основывались на минимальной организационной структуре, позже пришли массовые. У авторов видны те же известные принципы партийного строительства – «сверху» и «снизу». Также они выделяют этнические партии, электоральные, зависящие от политических консультантов [10, с. 208], и «партии-движения», занимающее промежуточное положение между движениями и партиями [38]. Однако нужно учитывать, что российские партии не имели возможности на подобные ступени эволюции ввиду особенности исторического процесса.

Постсоветский исследователь Э. Вильсон классифицирует современные политические силы на «виртуальных популистов», «мягких оппонентов», «пугала» и «мух». По Вильсону, «виртуальные популисты» исполняют роль трибунов населения, хотя и поддерживаются госаппаратом. К. Мусиенко относит к таким «Справедливую Россию». «Пугала» создаются властями для того, чтобы показать гражданам и зарубежным правительствам, что альтернативные партии ещё хуже (по Мусиенко это ЛДПР [21]). «Мягкие оппоненты» притворяются соперниками власти с целью имитации демократической конкуренции, тогда как «мухи» имеют задачу размыть электорат опасной для власти оппозиции. Схожую классификацию партий предлагают Х. Оверслут и Р. Верхейл [42].

Г. Китчелт анализирует три идеальных типа восточноевропейских партий: программные (имеют идеологическую основу, отражающую часть интересов определённой группы населения), харизматические (идентичность строится на популярном вожде) и клиентелистские (вне зависимости

от программы поддерживают действующую власть) [39]. Отечественный исследователь Г.М. Михалёва, рассматривая концепт Китчелта, выделяет административные партии, создаваемые «сверху», и гражданские, появляющиеся «снизу» [20, с. 118–126].

Несмотря на в целом верное наблюдение Михалёвой, отождествлять партийное строительство полностью с административным и гражданским сегментами политического спектра не совсем корректно – появляются аналогии с «административным ресурсом», что смещает акценты анализа с политического к бюрократическому. Как было показано, российские партии очень сложно уложить в зарубежные партологические концепты. Поэтому предложим свою научную терминологию, объясняющую особенности российской партии.

Паноканическими (греч. *πάνω* – верх; *κάνω* – делать, создавать) логично назвать те партии, которые созданы «сверху», властной элитой. *Катоканическими* (греч. *κάτω* – низ, ниже; *κάνω* – делать, создавать) же можно назвать партии, созданные «снизу», гражданскими слоями, без решающей роли политических элит. Помимо этого нужно учитывать, что это всего лишь стартап партийного строительства – партогенез после этого обычно продолжается.

Со временем в партии оформляются два основных типа партий. Неважно, каким способом партии появляются – паноканическим или катоканическим, партогенез, как правило, постепенно приводит к следующему размежеванию.

Аллагикратическая партия (греч. *ἀλλάγῃ* – изменять, *κράτος* – власть) выбирает своей миссией кардинальное изменение политического режима и политической системы. Партию аллагикратического типа можно считать оппозицией с альтернативной программой.

Этократическая партия (греч. *εἰς* – сохранять, *κράτος* – власть), напротив, ставит своей основной целью сохранение существующего политического режима и политической системы. Часть этих партий выбирает путь господствующей политической силы, другие образуют околоэлитное окружение в виде конструктивной оппозиции – на деле никогда не выступающей против существующего порядка.

Распространённым путём трансформации этократической партии является преобразование её в доменную политическую силу – «партию власти». Феномен господствующей политической партии рассмотрел американский политолог К. Грин [34, с. 37]. Он его описывал на примере партийного контроля над государственным сектором экономики, прямого направления в партийную казну бюджетных денег, протекции лояльному бизнесу в обмен на финансовые пожертвования и льготы.

Перейдём к сравнительному анализу отечественного партийного строительства.

Имперский период партийной институционализации в России

Возникновение политических партий в России в конце XIX – начале XX вв. было обусловлено объективной причиной – становлением буржуазных отношений, для которых характерно усложнение политической системы, разрушение сословных феодальных перегородок и, как следствие, развитие экономической самостоятельности социальных страт и классов, что стимулировало их политическую активность, подталкивало к созданию своих политических организаций, трансформировавшихся в политические партии. Процесс складывания политических партий в России на рубеже веков проходил при наличии некоторых особенностей, характерных для исторического развития отечественной политической системы.

Партийное строительство в дореволюционной России было тесным образом связано с политической практикой самодержавного государства, проводившейся им на протяжении веков. В России ко времени формирования политических партий, в конце XIX – начале XX вв., сложилась авторитарная политическая система, действовавшая по принципу отчуждения социальной и политической практик, возникавших среди населения. В результате участие населения в политической, социальной, культурной и хозяйственной жизни страны было гипертрофировано и подчинено власти государства. Более того, население было отстранено от создания общественных и политических институтов, а инициатором их формирования выступало самодержавное государство, так как в России продолжали доминировать феодальные основы политической культуры и политического участия, заключающиеся в объединении для царизма понятий «политическое» и «государственное», несвойственное буржуазному обществу. При этом «государственное» не подчинило себе «политическое», а сделало его своей составной частью, создав имманентный императив самодержавия, как патерналистско-вассальной политической системы. Это выводило народ за рамки правового поля, превращая российских подданных в орудие политической власти, когда человек не живёт/действует во времени, как политический актор, а прозябает в пространстве духовного безвременья, как субъект отстранённый и неспособный к государственной жизни. В таком государстве отсутствует политическая справедливость, которая может быть только между свободными и равными людьми. Именно о такой форме правления, называя её деспотической, говорил ещё Аристотель, замечая, что при деспотизме из-за отсутствия политического

общения право не существует [4]. Как результат в исторических рамках российской государственности к началу XX в. сложилась и доминировала аристотелевская формула, характерная для деспотических/авторитарных государств. Символом этой системы стала уваровская триединая формула: «Самодержавие, Православие, Народность», которая и на рубеже веков продолжала оставаться основным регулятором социополитических отношений в России.

В таком историческом контексте существования российской действительности в конце XIX – начале XX вв. происходило складывание политических партий в России¹, что являлось закономерным этапом пореформенного развития. Буржуазные реформы Александра II модернизировали экономику страны, но при этом сохранили прежний феодально-авторитарный, рестриктивный характер самодержавия в политической сфере, не привели к динамичному, системному слому патерналистской, патриархально-традиционной политической культуры, свойственной российскому обществу. Социомодернизация общества проходила несравненно более медленными темпами, нежели экономическая модернизация. Временной лаг, определяющий такое запаздывание, не был преодолен и ко времени складывания политических партий на рубеже XIX–XX вв. Буржуазная социомодернизация и стратификация, растекание индустриализации проходили в России в особых условиях. Новая для тогдашней России модель капиталистического общества внутренне должна была инкорпорироваться в имманентный самодержавно-авторитарный строй царской России, для которого были характерны:

- прямолинейное и упорное сопротивление двух последних российских императоров политической и социальной модернизации России;
- неспособность политической помещичье-дворянской элиты изменить своё мышление в рамках нового нарождающегося буржуазного общества.

Как результат, столкнувшись с кризисом феодальных отношений и неспособностью аккомодировать существующую политическую систему к новым условиям нарождающегося капиталистического общества, правительство и система самодержавия сами стали тормозом общественного развития России, что продуцировало отрыв власти от социума. Российскую правящую политическую элиту на рубеже XIX–XX вв. сковал психо-

¹ В ряде национальных окраин партийное строительство в силу различных причин проходило начиная с 50–60-х гг. XIX в. В Финляндии в это время сформировалась Финская партия, в 80–90-е гг. в Королевстве Польском уже существовало несколько социалистических партий, и складывалась праволиберальная партия – Национально-Демократическая партия. На Кавказе в 1887 г. возникла Армянская социал-демократическая партия Гнчак («Колокол»), а в 1890 г. другая армянская партия, неонароднического направления – Дашнакцутюн («Союз»).

логический консерватизм, отодвигавший её и самодержавие на периферию исторического процесса преобразований, они переставали быть доминирующими центрами силы. Именно поэтому царизм активно сопротивлялся новым буржуазным формам политической организации российского общества, в том числе и формировавшимся политическим партиям.

Другими важнейшими политическими силами, определявшими ход политического развития страны, были буржуазия, интеллигенция и народ (здесь: крестьянство и рабочий класс).

Российская буржуазия сформировалась в политическом императиве российской феодальной системы. Её политическое самосознание и политическое поведение были теснейшим образом связаны с самодержавной властью. Поэтому-то она и теряла свою социальную активность и замедляла самообретение символов и ценностей буржуазности. Всё это неявным образом тормозило буржуазную стратификацию в стране, консервировало изжившие феодальные отношения, превращая их в опасный ретро-балласт.

Российская интеллигенция и её отношения с самодержавием, начиная с активного проникновения идей Просвещения в XVIII в. в Россию, складывались на уровне иррационального, унилатерального противостояния власти и интеллектуалов. Взаимонепонимание данных акторов к концу XIX – началу XX в. имело уже вековую традицию и привело к системному отчуждению их друг от друга. А вслед за этим и к противостоянию политической (государства/самодержавия) и интеллектуальной элит. «С шестидесятых, с сороковых годов (XIX в. – Н.П., С.Ф.), с конца XVIII столетия, – писал в этой связи русский политический деятель и историк П.Н. Милюков, – было очевидно, что конфликт старой государственности с новыми требованиями есть лишь вопрос времени. Под углом этого грядущего конфликта складывалось всё мировоззрение русской интеллигенции, по крайней мере, шести последних поколений» [19, с. 278]. Именно в этом кроется одна из главных причин превращения государства и интеллектуальной элиты в непримиримых врагов.

Другой отличительной чертой российской интеллигенции/интеллектуалов было стремление мифологизировать существующую действительность/реальность. Она стала мыслить категориями созданного/сконструированного собственного утопического мира, подобий/аналогов российской действительности, плохо или совсем не соотносёнными с реальностью, вполне, однако, реальных и значимых для самой интеллектуальной элиты. В результате выдвигаемые русской мыслящей элитой концепты не просто не соотносились с российской действительностью, а генерировали в ней ложные смыслы и антисмыслы, что и стало, по словам П.Н. Милюкова, одной из характерных черт «нашего революционного процесса – идейная

беспомощность и утопичность стремлений, “максимализм” русской интеллигенции» [19, с. 274].

Утопичность своих идеопостроений понимали и сами представители мыслящей элиты, упрекая своих политических противников в несоприкосновении их идиом с российской реальностью. Так, П.Н. Милуков и П.Б. Струве «считали, что в основе её (эсеровской партии – *Авт.*) тактики лежала политическая наивность, доходившая до веры в чудеса “и стремление двигать людьми, как автоматами, а не учить их двигаться”» [17, с. 6]. Утопичность же большевистской доктрины ввергла страну в социальный эксперимент, что исковеркало жизни (не дожитые и прожитые за «железным занавесом») миллионов людей.

Как результат, интеллектуальная элита, сформировавшая либеральную, социалистическую и правомонархическую идеологии/идеодоктрины в России, оказалась неспособна правильно оценить не только происходящие перемены в российском обществе в конце XIX в., но и создала явно ложный посыл к социополитической модернизации России. В результате сложился слой интеллектуалов, выступавший с позиций социального и мировоззренческого транзита для России из эпохи самодержавного строя в капитализм/социализм. Создав такой политико-идеологический конструкт, интеллектуалы постепенно превратили его в догму. Сама интеллектуальная оппозиционная элита, уверовав в свою непогрешимость, приобрела черты мессианства и видела своё историческое предназначение в переустройстве России по своему плану, в котором самодержавию отводилось положение политического статиста и/или аутсайдера, а народу – статус послушного и управляемого объекта политической системы, главная роль которого сводилась к принятию навязанных ему интеллектуалами моделей развития страны. Особенно этим отличались представители социалистических партий. Такой идеологический прогрессизм, будучи доминантой мышления русских интеллектуалов, стал главным идейным компонентом партийного строительства в России на рубеже XIX–XX вв., при политико-идеологической инерции большинства населения страны.

Народ благодаря политическому отчуждению, ставшему характерной чертой российской самодержавно-авторитарной политической системы, вообще к началу XX в. не имел социального опыта политической свободы. Хотя урбанизация и индустриализация и происходили быстрыми темпами, всё-таки Россия оставалась по преимуществу крестьянской страной².

² По переписи населения 1897 г. 81% населения составляли крестьяне. Часть из них только числились в крестьянском сословии, а на деле уже принадлежали к рабочему классу и ремесленникам, но и с учётом этого крестьян в России было более 70% [24].

Крестьянам были присущи экономическая и социальная депривация, инертность патриархального мышления, подозрительность к интеллигенции; эти черты сохранялись и в городах у формирующегося рабочего класса. Но одновременно быстрый рост численности рабочего класса³ вызывал к жизни и другие процессы, характерные для буржуазного общества начала XX в. Рабочие вели борьбу за свои экономические права, ещё не до конца осознавая политические приоритеты своего мышления, связывая их в том числе и с царизмом как формой государственности. Поэтому социалистическая пропаганда воспринималась крестьянством и рабочими в рамках их вековой ментальности противостояния скорее не царю, а помещикам, капиталистам, чиновничье-бюрократическому аппарату и была обратной стороной черносотенно-традиционалистских взглядов крестьянства и рабочих. Всё это накладывалось на отсутствие традиций политического общения между интеллектуалами и народом, что прождало непонимание и даже социополитический ментальный разрыв между ними.

Таким образом, политические последствия происшедшей во второй половине XIX в. в России социополитической модернизации были гораздо глубже, чем это выглядело на первый взгляд. Самодержавие как патерналистско-вассальная политическая система всё больше утрачивало в течении XIX в. способность воспроизводить эффективную политическую элиту, которая оказалась к концу столетия неспособной дать адекватный ответ вызову времени (буржуазной модернизации российского общества). Так на рубеже столетий формировалась специфическая ритмика политической истории России, которая определила вектор её развития, задала внутреннюю динамику партийного строительства того времени.

Дореволюционный период российской партийности показал, что, несмотря на рестриктивно-терминальные меры правительства против формирующихся политических партий, происходил закономерный процесс становления партиомы в России, но он не был окончательно завершён. Сразу следует отметить, что этот процесс был достаточно бурным в годы революции 1905–1907 гг., когда впервые в российской истории тип политико-социальной организации российского социума и идеология на время оказались вне рамок подчинения официального самодержавного государства. Под напором революционных событий в сознании людей происходили масштабные процессы социокультурных и политико-духовных дифференциаций. Таково было то время обретения населением страны политической самоидентификации, что было новым явлением в истории России.

³ В 60-х гг. XIX в. в России было 706 тысяч рабочих, в 1900 г. уже более 12 миллионов, в 1913 г. – более 18 миллионов, в 1917 г. уже вместе с семьями насчитывалось около 26 миллионов человек (около 14,8% населения) [24].

Формирующийся политический плюрализм среди населения проявился в том числе и в создании множества политических партий. Несомненно, не все партии, возникшие в период революции 1905–1907 гг., играли заметную роль в политической жизни страны. Многие из них возникали на короткий период и исчезали с калейдоскопической быстротой, часто не оставляя после себя исторической памяти⁴. Но в стране уже начал действовать фундаментальный фактор капиталистической социомодернизации российского общества – обретение населением политических смыслов, дистинкция идиом формирующегося политического сознания масс, а политические партии становились естественными каналами трансляции политических интересов населения к власти. Но так как данный формообразующий процесс находился только на этапе протекания/становления, то и партии не смогли полностью абсорбировать и интегрировать политически нестатичное общество под свои политические императивы, тем более что существенным рестриктивным препятствием на этом пути продолжал оставаться авторитарный самодержавный режим. В своей типологии политических систем Ж. Блондель существовавший в Российской империи в начале XX в. порядок отнёс к авторитарно-консервативной системе, характерной чертой которой является проведение политики по сохранению сложившейся модели государственного устройства, основанного на неравенстве (в том числе и социальном) и противостоящего углублению равенства и политического участия [8].

На таких основаниях в имперской России происходил формообразующий процесс институционализации политических партий, что позволяет выделить следующие типы партий.

По территориально-национальному принципу политические партии делились на:

- общероссийские партии;
- региональные партии;
- национальные партии.

По идеологическому принципу:

- партии социалистического направления;
- либеральные партии;
- правомонархические партии и союзы.

По структуре и организации (по М. Дюверже):

⁴ Следует со всей определённостью подчеркнуть, что фундаментальный фактор развития современной российской партийности 80–90-х гг. XX в., во многом аналогичен/подобен основному формообразующему тренду складывания партийности в конце XIX – начале XX в., что связано со схожими условиями транзита общества от несвободы к свободе.

- массовые партии;
- кадровые партии.

По происхождению:

- паноканнические партии;
- катоканнические партии.

По цели:

- аллагикратические партии;
- эктократические партии.

В массовых партиях, кроме прочих, (по Ж. Блонделю) выделяют популистские партии.

Существование российского парламента – Государственной Думы (1906–1917 гг.) – инициировало процесс создания парламентских и электоральных партий. Их институционализация переживает следующие этапы:

- а) координация действий между парламентскими группами и отдельными депутатами;
- б) создание и организационное структурирование парламентского объединения;
- в) выработка общих политической и идеологической платформ;
- г) создание политической партии.

Главной особенностью электоральных партий является объединение прошедших в парламент представителей близких по своему положению в обществе социальных страт (а не политических партий), которые стремятся к совместным действиям по отстаиванию собственных интересов. В то время как парламентские партии формируются на основе уже существующих парламентских групп/фракций отдельных политических партий.

К формирующимся партиям парламентского типа имперского периода российской партийности следует отнести *Прогрессивный блок*, сложившийся в августе 1915 г. из ряда фракций либерально-демократического направления IV Государственной Думы. Он распался с победой Февральской революции. К электоральным партиям можно отнести *Трудовую группу*. Она была создана в апреле 1906 г. депутатами I Государственной Думы от крестьян, рабочих и интеллигенции. В апреле 1917 г. на 5-м съезде партии группа была преобразована в партию.

В ходе революции 1905–1907 гг. в России окончательно сложился данный основополагающий конструкт модели общероссийских политических партий, сохранившийся до октября 1917 г.

Важнейшими общероссийскими политическими партиями имперского периода были:

Партии социалистического направления:

- Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП);

– Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры).

Либеральные партии:

– Конституционно-демократическая партия (КДП, кадеты);

– Союз 17 октября (октябристы).

Правомонархические партии и союзы

Всего в период с 1905 по 1917 гг. существовало около 30 правомонархических партий и союзов. В основном это были региональные партии и союзы [33]. Крупнейшими правомонархическими партиями были Союз русского народа (СРН) и Русский национальный союз (РНС) имени Михаила Архангела.

По своему происхождению политические партии России, возникшие в конце XIX – начале XX вв. являлись в абсолютном большинстве паноканническими партиями, то есть партиями, созданными «сверху», путём индоктринации политических идей (когда относительно небольшая группа интеллектуалов, носителей идеологии, распространяла её в массах, как бы спуская сверху).

Катоканнические партии, в целом, не были характерны для имперского периода российской партийности, ибо представители низших социальных страт (крестьяне и рабочий класс) не обладали практикой и традициями политической артикуляции. Тем не менее, революция 1905–1907 гг. вызвала политическую активность масс, которые стали самостоятельно формировать собственные общественно-политические организации, например, Советы. К такому типу организаций следует отнести Всероссийский крестьянский союз (ВКС), образованный в мае 1905 г. Это одна из немногих политических организаций (другой организацией являлась Трудовая группа), действовавшая в начале XX в., которую можно отнести к катоканническим партиям. ВКС, созданный как внепартийная демократическая организация российского крестьянства, сформировал руководящие органы, принял программу, создал разветвлённую сеть местных организаций. Численность ВКС летом-осенью 1905 г. достигала внушительных 200 тысяч человек [2; 12]. ВКС участвовал, в блоке с Трудовой группой, в работе II Государственной Думы. Все эти особенности, характерные для деятельности Союза, тождественны признакам политической партии, сформулированных Дж. Лапаломбарой и М. Вернером.

В.И. Ленин, прекрасно понимая политическую суть ВКС, назвал Союз «зародышем особой крестьянской партии» [16]. Однако ВКС не смог в полной мере институализироваться в политическую партию, ибо был разгромлен правительством к концу 1907 г. Восстановившись после Февральской революции в условиях новой реальности, к концу 1917 г. Союз слился с Советами крестьянских депутатов.

К паноканическим партиям в начале XX в. относились общероссийские политические партии всех идеологических направлений. Партии социалистической ориентации вышли из нелегальных революционных кружков социал-демократов и неонародников. Либеральные партии – из земского движения. Черносотенцы – из кружков и организаций, пропагандировавших национально-патриотические идеи крайнего толка. Из трёх вышеназванных идеологических направлений политических партий России начала XX в., партии социалистического и либерального направлений выступали за смену политического строя в России. Партии социалистического направления ставили своей целью свержение царизма с помощью революции и последующего установления в России социалистической республики. При этом социал-демократы опирались на марксистское учение, а эсеры на неонародническую идеологию. Либеральные партии рассматривали возможность реформирования самодержавия в буржуазную политическую систему (кадеты – первоначально в республику, а впоследствии, как и октябристы, в ограниченную монархию). Поэтому партии социалистического и либерального направлений были аллагикратическими партиями. Черносотенные, монархические формирования выступали за сохранение существующего самодержавного строя и поэтому они относятся к организациям охранительного направления, или к эктократическим партиям.

Царизм как политическая система не мог всецело опереться на новые нарождающиеся политические институты – политические партии, так как два из трёх направлений являлись аллагикратическими партиями, а значит, царизм не мог рассчитывать на поддержку значительной части населения (сторонников партий). В этом отношении следует говорить если не о потере лично императором Николаем II своей легитимности уже в годы революции 1905–1907 гг., то, по крайней мере, о появлении сомнений у значительной части населения в возможности самодержавия измениться и справиться с управлением огромной страной в новых исторических условиях.

Говоря о черносотенцах, следует сказать, что их организации не следует рассматривать как однородное движение; наоборот, оно было дисперсным. Большинство членов черносотенных организаций являлись крестьяне и рабочие, в которых естественным образом уживались царистские иллюзии и политический радикализм. Последний являлся доминантой сознания этих социальных страт. Их радикализм был направлен на изменение социальных отношений в обществе (крестьяне мечтали о переделе помещичьей земли, рабочие – о защите своих экономических прав), а значит, априори и латентно эти социальные страты

выступали против самодержавной власти, что противоречило охранительным целям черносотенцев, декларированным в программных документах их организаций. В целом идеология черносотенного движения зиждилась на ретрадиционализации, радикальном (часто оголтелом) национализме, ксенофобии, популизме, ненависти к наступающему новому непонятному буржуазному миру, разрушающему традиционный патриархальный уклад жизни.

История протекания деятельности политических партий России до 1917 г. не являлась гомогенной, она эксплицитно соответствовала ходу развития истории страны. В рамках исторических изменений, свойственных данному периоду истории российского государства, необходимо выделить следующие этапы развития общероссийских политических партий на рубеже XIX–XX вв.:

Первый этап: конец XIX в. до начала революции 1905–1907 гг. характеризовался агрегированием идейно-политических парадигм и протеканием формоорганизующего процесса структуры будущих партий.

Второй этап: революция 1905–1907 гг. Фаза активного формирования политических партий.

Третий этап: межреволюционное десятилетие, июнь 1907 г. – февраль 1917 г. Экстерминальное/рестриктивное давление на партии и разрушение самодержавием политической среды, необходимой для формирования партийной системы.

Четвёртый этап: Октябрьская революция и установление большевистской диктатуры. Экстерминация российской многопартийности. Создание большевиками однопартийной системы в Советской России.

На первом этапе развития российской партийности возникали в основном национальные политические партии, до 1905 г. в империи действовало 56 (9 либерального и консервативного направлений и 47 социалистической ориентации) национальных партий и движений [27, с. 262, 278]. Общероссийские политические партии начали складываться в конце XIX – начале XX вв. В этот период заявили о своём создании только две общероссийские партии: РСДРП (1898 г.; впрочем, активно действовать партия начала только с 1903 г.) и ПСР, созданная де-факто в 1902 г., де-юре – в конце 1905 г., когда прошёл Учредительный съезд эсеровской партии.

Беспрецедентная волна партийного строительства пришлась на революцию 1905–1907 гг. По подсчётам исследователей, в тот период действовало не менее 125 партий, союзов и движений [27]. Всего же в России в разные годы существовало до 300 общероссийских, региональных и национальных партий⁵.

⁵ В книге «Политические партии России: история и современность» [27] приводятся сле-

После окончания революции 1905–1907 гг. количество партий резко сократилось, большинство из них распалось или прекратило существование в условиях полицейских репрессий. Нежелание самодержавия реформироваться означало, что новые нарождающиеся буржуазные институты, в том числе и политические партии, являлись для Николая II внесистемными институтами, а значит, подлежали экстерминации, как с помощью репрессий против социалистических партий и кадетов, так и с помощью минимизации влияния октябристов и черносотенцев на политическую жизнь страны. Таким образом, одна из главных целей политических партий – получение и сохранение власти – была для них недостижима в условиях самодержавия, что стало явным политико-целевым диссонансом между властью и партией, а значит, порождало и стимулировало процесс противостояния царизма и политических партий, что в конечном результате вело к дестабилизации положения в стране.

Основными акторами создания политических партий в России в конце XIX – начале XX вв. являлись оппозиционные силы: социалисты, либералы, а также охранительно-черносотенный лагерь. *При этом важно отметить, что царизм не пытался создать с помощью административного ресурса собственную политическую партию, на которую мог бы всецело опереться при реализации своего правительственного курса, а значит, царизм не только оказался на обочине этого процесса, но и не понимал происходящих в России социально-политических изменений.* Инициатива П.А. Столыпина по созданию «проправительственной» фракции октябристов и националистов в III Государственной Думе являлась только частным, но не системным действием правительства и не могла изменить само мышление Николая II и элиты. Поэтому к 1917 г., на волне поражений на фронтах Первой мировой войны и паралича власти, самодержавие окончательно утратило легитимность и его не поддерживало даже черносотенное движение, которое само к этому времени переживало агонию.

В целом, если говорить о месте партий в политической системе самодержавной России, то следует сказать, что они как политический институт вполне сложились:

- социалисты (РСДРП и ПСР) развивались и как массовые партии (по М. Дюверже) со строго централизованной организационной структурой, и как доктринальные партии (по З. Ньюману) с «жесткой» идеологией;
- либералы (кадеты и октябристы) институализировались по направлению к кадровым партиям (по М. Дюверже);

дующие данные: с 1882 г. по 1925 г. в России действовало 60 общероссийских и 228–231 национальная партия и движение. Региональные партии в издании в отдельный тип не выделяются, что, на наш взгляд, не совсем верно.

– черносотенцы ко времени своей гибели в феврале 1917 г. всё ещё находились на стадии политического размежевания, формирования идеологических парадигм и своей организационной структуры. По числу членов (максимальная численность – около 500 тысяч членов в годы революции 1905–1907 гг. [28, с. 253; 29]) черносотенных союзов и организаций, с одной стороны их можно отнести к массовым партиям с отсутствием характерной для таких партий централизацией организационной вертикали. Но с другой стороны, черносотенцев следует отнести к доктринально-популистским партиям, объединив два типа политических партий:

- а) доктринальная (идеологическая) партия (по З. Ньюману);
- б) мелкобуржуазная популистская партия (по Ж. Блонделю).

Не следует говорить о том, что в начале XX в. в имперской России существовала целостная партия, ибо партийная система предполагает, что политическая партия выполняет властные функции – формирует правительство, управляет государством, – чего не было и не могло быть в условиях самодержавно-рестриктивного политического режима.

Современные российские партийные стартапы

В России конца XX – начала XXI вв. партийное строительство принципиально отличалось от западного эквивалента своей матрицей – политической культурой. Саму политическую культуру можно отнести к части общей культуры социума. Как правило, она включает сложившиеся, устойчивые ценности, убеждения и представления людей относительно политики, управления и власти [1].

Американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба условно выделили идеальные типы политической культуры граждан – патриархальную (отсутствие серьёзных политических установок), подданническую (пассивная роль в политическом процессе) и активистскую (активное участие в политической жизни) [37]. И, хотя американские политологи определяли советскую политическую культуру как подданническую, с этого времени произошло довольно много изменений.

В западных странах англосаксонского кластера (Великобритания, Канада, США, Австралия, Новая Зеландия и др.) распространён активистский тип политической культуры с давними традициями функционирования гражданского общества и двухпартийной системой. В европейских континентальных странах (ФРГ, Франция, Италия) сформировалась многопартийная система. Исторически сложилось, что государство здесь снимало с себя часть ответственности за принятие политических решений, развивая гражданские свободы. Социологические исследования Р. Инглхарта пока-

зывают, что граждане европейских протестантских стран с культурой индивидуализма больше, чем православных и католических, склонны к самовыражению, в том числе и политическому, и отдают предпочтение секулярно-рационалистическим ценностям [1].

Активистская политическая культура дала импульс к превращению политических союзов групп населения в конкурирующие партии католического типа. Постоянное соперничество католических сил не давало укрепиться феномену эктократической – господствующей партии.

Российская политическая культура складывалась в несколько других исторических и географических условиях. Масштабные территории, протяжённые границы государства, присутствие беспокойных соседей, отсутствие мягкого климата – привело к укреплению авторитарной традиции власти, способной мобилизовать население для самосохранения цивилизации. К слову, о связи политики с климатически-географическим фактором писал ещё Ш.-Л. Монтескьё.

Закрепляли подданническую политическую культуру традиции православия и более поздней коммунистической этики. Подобный исторический фон формировал паноканнический тип партийного строительства. *Таким образом, отечественный партогенез не завершился формированием ни двухпартийной, ни реальной многопартийной системы.*

Э. Баталов пишет, что для современной российской политической культуры характерна этатистская традиция. Государство воспринимается российскими гражданами как основа цивилизации, гарант целостности социума [6, с. 7–22]. Вместе с тем, эклектичность российской политической культуры фиксирует публицист С.А. Ширококов, отмечающий сосуществование в российском менталитете не только элементов державности, авторитарности, но и паттернов активизма [32]. А. Ахиезер нам напоминает, что трансформирующееся советское общество, как раньше и царская Россия, для повышения эффективности политических решений допускало транзит демократических ценностей [5].

Односторонний перенос западно-либеральной модели партийного строительства практиковала либеральная часть российской элиты (будь это имперские круги либо советская номенклатура) в моменты острого кризиса своей легитимности. Между тем, простое привнесение готовой либеральной модели абсолютно не учитывало специфику российской политической культуры. В итоге вместо католического партийного строительства, инициируемого гражданами, в российском обществе, как в начале, так и в конце XX в., появилось паноканническое партийное строительство, управляемое элитой, стремящейся сохранить легитимность и удержать власть в условиях социально-экономического кризиса любой ценой. Это происхо-

дило, как и в империи, в условиях отсутствия развитой буржуазно-капиталистической культуры при слабом среднем классе.

Паноканический партогенез со временем привёл не к консолидации демократии, а к появлению феномена эктократических партий, служащих формой для сохранения власти политической элитой. В своё время Р. Михельс предупреждал о негативной стороне партийных организаций, которые могут выродиться в олигархическую группу [41, с. 70]. Исследователь пришёл к пророческому выводу – демократия невозможна без перехода общества на более высокий уровень развития. По мнению Михельса, чем прочнее становится структура партии, тем сильнее проявляется тенденция к появлению профессиональных партийных лидеров. Однако, считает Михельс, возникновение профессионального руководства несёт в себе угрозу для демократии. Аналогичную идею об опасности вырождения партиомы в некую искусственность и оторванность от гражданских нужд развивал Острогорский.

Сценарий партогенеза Михельса хорошо применим к российскому случаю. Желание российской элиты (имперской и современной) удержать власть привело к самому негативному варианту развития отечественной партиомы, нацеленной в основном не на агрегацию интересов различных гражданских групп, а на поддержку элиты и её политического режима. В итоге россияне стали довольно скептически оценивать роль самих партий в обществе и их идеологии.

Российский политолог О.З. Муштук пишет о нескольких этапах институционализации и развития отечественных партий на рубеже XX–XXI вв. [22]:

Первый этап: создание многочисленных политизированных клубов, групп, общественных объединений (1985–1987 гг.).

Второй этап: формирование «народных фронтов», отстаивающих право на суверенитет советских республик (середина 1987 – начало 1990 г.).

Третий этап: легальное преобразование общественно-политических структур в политические партии и общественно-политические движения после вступления в силу Закона ВС СССР «Об общественных объединениях» с 1991 г.

Четвёртый этап: «бурное» партийное строительство, начавшееся после августа 1991 г., а также в связи с выходом в 2001 г. закона РФ «О политических партиях».

Пятый этап: к периодизации политолога можно добавить период упрощения регистрации партий, начавшийся с поправок в закон РФ «О политических партиях» в 2012 г.

Новые российские партии, появившиеся в условиях деградации коммунистической системы, формально были разрешены, но первоначально

оставались вне реальной институциональной политики – они не участвовали в избирательном процессе, довольствуясь лишь митинговой деятельностью. Тем не менее, даже отмена шестой статьи в советской конституции не привела к появлению целостной партии, как и в империи. Одними из первых возникли «демократическая» фракция внутри КПСС, «Демократическая Россия» и Либерально-демократическая партия Советского Союза.

Как и в империи, катоканический партогенез изначально был затруднён. Белая советская элита никуда не исчезла – к середине 1990-х гг. 75% окружения российского президента составляли прежние представители номенклатуры [23]. Пришедшие к власти более молодые номенклатурные кадры также желали удержать власть, активируя паноканический партогенез.

Общим для отечественного партстроительства 1980–1990-х гг. была малочисленность, слабое развитие сети региональных отделений, нестабильная общественная поддержка, отсутствие опыта работы с электоратом. Руководство партий, состоявшее в подавляющем своем числе из интеллигентской среды, не отличалось дисциплинированностью [13, с. 79–83]. Партии больше походили на кружки единомышленников с отсутствием чётких программ и ориентации на конкретные гражданские группы.

По мнению А.Н. Кулика, отсутствие прочной партийной традиции перевело противоречие Президента и Верховного Совета в конфликтную фазу. Стабилизирующаяся после этого российская элита решила использовать западно-либеральную модель для укрепления своей шаткой легитимности в обществе. В результате уже на первых выборах в Государственную Думу появились эктократические партии, созданные для обеспечения поддержки элиты в новом парламенте [14]. Тогда вице-премьер Е. Гайдар возглавил блок «Выбор России», а другой вице-премьер С. Шахрай при участии А. Шохина создал Партию российского единства и согласия (ПРЕС). *Партийное строительство консолидировало элитные группы, а не демократию.*

В 1995 г. схожим способом была сформирована новая эктократическая сила – движение «Наш дом – Россия», которое возглавил премьер-министр В. Черномырдин. Затем в 1999 г. возникли ещё две эктократические группировки – Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») и блок «Отечество – Вся Россия». Характерной особенностью такого паноканического партогенеза была мощная опора на структуры федеральных и региональных органов исполнительной власти. Другой важной особенностью такого партийного строительства С.А. Оськин считает возникновение клиентелы, группирующейся вокруг политического лидера, но учитывающей интересы бюрократии [26, с. 201–210].

Итогом этого процесса стало оформление новой эктократической доминанты – «Единая Россия».

Укреплению господствующей партии способствовал и другой фактор. Идеологическо-программный модус постепенно менял свою роль в отечественном партийном строительстве. И если в начале 1990-х гг. различные идеологемы буквально пронизывали партогенез и, как следствие, партийную конкуренцию, то уже с середины 1990-х гг. их значение резко падает. Этому явлению есть объяснение. Дело в том, что в начале своего существования российские партии в своих программах по-разному обыгрывали принципиально важные для переустройства общества проблемы (собственность на землю, борьба за народовластие, защита интересов наций, утверждение либеральных ценностей и др.). При этом партии стремились привлечь к себе большую часть электората, строя свою предвыборную борьбу на противопоставлении друг другу. *Можно предположить, что из-за такой тактики российские избиратели постепенно потеряли интерес к идеологической идентификации партий. По этой причине классификация современных отечественных партий по идеологическому признаку крайне затруднена.*

И.В. Лебедев считает, что ослабление идеологического фактора в партийном строительстве определило повышение роли политических лидеров [15]. В этой связи показательна размытая идеологичность российских эктократических сил от «Выбора России» до «Единой России». Их уделом стал поиск *aurea mediocritas* – нечто среднего в политических предпочтениях населения. Поэтому, по мнению Лебедева, с 2000-х гг. вектор доктринальных положений отечественных партий сместился в сторону идей государственности, патриотизма, защиты национальных интересов и духовных ориентиров страны.

У крупнейшей на сегодняшнее время российской эктократической партии «Единая Россия» цель (программа-максимум) в программе поставлена довольно аморфно – построение инновационной экономики, укрепление демократических институтов и современного правового государства и т. п. Программинимум в её задачах также обозначена довольно обобщённо – модернизация экономики, выполнение социальных обязательств, искоренение коррупции, укрепление судебной системы, поддержание межнационального и межконфессионального мира и т. п. [31].

Этот набор условно консервативных ориентиров можно объяснить известным «парадоксом Конверса» – у значительной части избирателей на самом деле нет чётких политических установок, но многие из них стесняются в этом признаться, ориентируясь в соцопросах на уже заложенные варианты. Поэтому «Единая Россия», как и многие остальные отечес-

твенные партии, выбирает в своём позиционировании так называемую «модель выпуклости», когда партийный месседж связывается с текущей темой, доминирующей в информационной повестке дня с некоторой отсылкой на идеи консерватизма. Пространственная же модель партийного позиционирования, связанная с чёткими идеологемами, постепенно уходит в прошлое [9, с. 68–83].

Из программы «*Справедливой России*» видно, что она, созданная паноканическим способом на основе «Родины», Российской партии жизни и Российской партии пенсионеров, – типичная социал-демократическая партия [30]. Но анализ партийного строительства «Справедливой России» привёл отдельных исследователей к выводу, что изначальная причина её создания была довольно прагматичная – дать возможность удовлетворить политические амбиции тем региональным бизнес-элитам, которые не вошли в «проходную» часть выборных списков от «Единой России». Иными словами, «Справедливая Россия» создавалась как эктократическая партия. Довольно интересно предположение некоторых авторов об элитном проекте создания двухпартийной системы на основе «Единой России» и «Справедливой России» по образу США [7]. Хотя такому проекту мешала популярность крупнейшей отечественной коммунистической партии.

В программе *Коммунистической Партии Российской Федерации* (КПРФ) также наблюдается некоторая аморфность, как и у «Единой России», которая хорошо объясняется «парадоксом Конверса» [30]. Кстати, некоторые положения «Справедливой России» на удивление созвучны с тезисами коммунистов. По мнению отдельных политологов, это сделано целенаправленно – такая близость программ ориентирована на то, чтобы оттянуть у КПРФ часть электората [7, с. 60–69], фактически, запутав его в угоду эктократических сил.

Исследователи фиксируют, что на партийную риторику *Либерально-демократической партии России* (ЛДПР), как и в случае с «Единой Россией», сильно влияют имперские идеи величия России, однако упоминание о демократии носит довольно декларативный характер [18].

Идейные установки имперских и современных российских партий удобней показать в виде таблицы. Очевидно, что дореволюционные российские партии больше апеллировали к идеологической конкретике, чем современные отечественные (табл. 1) [30; 31]. Кроме того, у современных партий России нет чётких целевых групп электората, тогда как имперские партии часто опирались на конкретные социальные группы населения.

Таблица 1. Контент-анализ программно-идеологических концептов крупнейших имперских и современных российских партий

	Программа-минимум	Программа-максимум
Конституционно-демократическая партия	установление конституционной и парламентской монархии; после Февральской революции – демократическая республика	так же
Союз 17 Октября	установление конституционной монархии с парламентом	так же
Партия социалистов-революционеров	свержение самодержавия и установление демократической республики; идеологическая основа: неонароднический социализм	строительство социализма; социальная опора на трудящиеся слои общества, прежде всего, крестьянство и рабочий класс
РСДРП	свержение самодержавия и установление демократической республики; идеологическая основа: марксизм	проведение социалистической революции и установление диктатуры пролетариата; строительство в России коммунистического общества; социальная опора: рабочий класс
Союз русского народа; Русский народный союз им. Михаила Архангела	идеологическая основа программы – трехзвенная формула: «Православие. Самодержавие. Народность»; опора на национализм; выступали за сохранение самодержавного строя; православная церковь провозглашалась нравственно-религиозной основой самодержавия и российской государственности	так же

Продолжение *таб. 1*, начало на стр. 24.

Единая Россия	модернизация экономики; выполнение социальных обязательств; искоренение коррупции; укрепление судебной системы; поддержание межнационального и межконфессионального мира; развитие политической системы; внутренняя и внешняя безопасность; самостоятельная внешняя политика	построение инновационной экономики, укрепление демократических институтов и современного правового государства
КПРФ	установление власти трудящихся, народно-патриотических сил; национализация природных богатств России и стратегических отраслей экономики; восстановление высоких стандартов всеобщего бесплатного среднего и высшего образования; обеспечение общедоступности и высокого качества здравоохранения; введения прогрессивной шкалы налогообложения; освобождение от уплаты налогов граждан с низкими доходами и т. п.	построение в России обновлённого социализма XXI века
Справедливая Россия	преодоление социального неравенства; активная социальная политика; укрепление институтов гражданского общества; госконтроль над владением, распоряжением и использованием собственностью; предоставление молодым равных стартовых возможностей; развитие всех форм демократии участия; сохранение культурного достояния; прогрессивная шкала налогообложения; общедоступность образования; обеспечение здоровья и долголетия гражданам и т. п.	развитие российской социалистической идеи, чтобы она отвечала задачам XXI века
ЛДПР	либерализм – свобода мышления и терпимость к другим взглядам; демократия – свобода без анархии и выборность, многопартийность без давления со стороны партии власти и административного ресурса; патриотизм – любовь к России и русскому народу	восстановление статуса России как великой державы

Подводя итоги, следует особо отметить, что *дореволюционные партии создавались на основе свободной политической ориентации и идеологического самоопределения населения, ибо самодержавное правительство не стремилось создать собственную партию, включить политические партии в государственно-бюрократическую систему управления страной.* Партогенез в дореволюционной России был началом естественного пути развития политических партий, которые постепенно начали инфильтровать из переживающего процесс буржуазной социомодернизации общества своих сторонников, абсорбировать, а затем и канализировать их интересы во власть. То есть шёл хрестоматийный процесс партийного строительства. Что нельзя в полной мере сказать о политических партиях современной России. Отсутствие традиций политического участия населения в процессе управления государством не позволило ему в 80–90-е гг. создать свои политические организации «снизу». Пришедшая к руководству страны новая российская власть во главе с Б. Ельциным не испытывала давления на себя со стороны таких организаций. Зато, являясь частью административно-бюрократического аппарата, достаточно быстро пошла на естественный для себя союз с бюрократией как единственной альтернативной народному представительству силой, способной управлять страной. *В итоге, современные отечественные партии превратились из важного элемента представительной демократии в механизм легитимации политической элиты.* При этом были созданы внешние атрибуты демократического общества, в том числе, выборный парламент Государственная Дума.

Создание Государственной Думы стало одним из важнейших побудительных мотивов для формирования чиновничье-бюрократическим слоем своих политических организаций совместно с элитой. Стремление влиять на деятельность Государственной Думы, сделать её составной частью бюрократической системы управления заставило российскую элиту и её союзницу – бюрократию создавать свои политические партии, которые стали как бы продолжением высшей исполнительной власти. Так при строительстве современной партийной российской системы был исподволь изменён основополагающий принцип функционирования политических партий – принцип артикуляции, канализации и агрегации интересов отдельных социальных страт и их защита перед государством.

Институционализация партийной системы в постсоветской России на рубеже веков, таким образом, проходила по оси исполнительная власть – административно-бюрократический аппарат и делала население в политическом процессе статистом, формируя классическую систему управления «политического элитизма», разработанную Г. Моска и В. Парето. Это создавало условия для появления в постсоветской России

правляющей партии доминантного типа – «Единой России». Поэтому участие политических партий в государственном управлении современной России следует охарактеризовать как чрезвычайно слабое.

Уверенность элиты и тесно связанной с ней исполнительной власти в своих действиях основывается на целом спектре причин:

- нехватка в российской политической жизни традиций гражданского общества;

- опора власти только на центральный и региональный аппарат, а не на его симбиоз с политической вовлечённостью масс при принятии политических решений;

- незавершенность социальной стратификации и социальной мобильности, характерных для буржуазных обществ;

- отсутствие политической структурированности российского общества;

- отсутствие раскола внутри политической элиты, которая продолжает представлять собой единый монолит, а значит, внутри неё отсутствует политическое противостояние и конкуренция, что способствует дивергенции политической жизни;

- отсутствие дистинкции власти и собственности, гарантий для бизнеса в сохранении и законодательной защищённости частной собственности, близость олигархии к элите, прерогативы верхушечных элитных сговоров, вместо соревновательно-рыночных отношений, регулируемых в этике бизнеса и власти;

- ограниченность и поверхностность правового и политического сознания всех групп населения, и, что особенно значимо, – недостаточность его развития у политической элиты;

- недостаточная социальная ответственность политической элиты перед обществом;

- отсутствие эффективного «кадрового лифта» в современных российских политических партиях из-за закрытости партийных элит.

Продолжение следует.

Литература:

1. *Абрамов А.В.* Политическая теория и современные политические реалии: монография / А.В. Абрамов и др. М.: Граф-пресс, 2012. 260 с.

2. Аграрный вопрос в программах политических партий России: документы и материалы: последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. / Сост. Н.Д. Постников. М., 2000. С. 31–33.

3. *Андреев И.В.* Б.Н. Чичерин и становление современной теории политических партий // Учёные записки Орловского государственного университета. 2011. Гуманитарные и социальные науки. № 6. С. 114–118.

4. *Аристотель.* Политика. М.: Директ-Медиа, 2012. 542 с.

5. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии: историко-культурное исследование // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51–76.
6. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civik culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.
7. Вилков А.А., Николаева А.А. Особенности современного партийного строительства (или тернистая дорога через «Родину» к «Справедливой России») // Известия Саратовского университета. 2007. Социология. Политология. Выпуск 1. Т. 7. С. 60–69.
8. Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. 368 с.
9. Гончаров В.Э. Идеологический брендинг «Единой России» // ПОЛИТЭКС – Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 68–83.
10. Дмитриев А.Е., Журавлёва Л.В., Федорченко С.Н. Проблема классификации политических консультантов в современной России // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2011. № 2. С. 208–212.
11. Ильин М.В. Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания // Полис. 2001. № 4. С. 162–175.
12. Исхакова О. Всероссийский крестьянский союз // Политические партии России: конец XIX – первая треть XX в.: энциклопедия М., 1996. С. 134.
13. Козодой В.И. Борьба радикалов и реформаторов в процессе партийного строительства в Сибири летом 1991 г. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 79–83.
14. Кулик А.Н. Парадокс «заката» политических партий на Западе и его проекция на российскую многопартийность // Политическая наука. 2006. № 1. С. 109–135.
15. Лебедев И.В. Идеологический фактор в партийном строительстве Российской Федерации в 1992–2003 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21–2. С. 71–75.
16. Ленин В.И. Цель борьбы пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. М., 1968. С. 385.
17. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
18. Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. Государство, нация и политический режим в программах российских политических партий («Единая Россия» и ЛДПР) // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. М., 2009. Политология. С. 160–187.
19. Милюков П.Н. История второй русской революции // Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 274–278.
20. Михалёва Г.М. Влияние европейских партийных систем на становление российских партий // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Серия 6. Выпуск 3. С. 118–126.
21. Мусиенко К. К вопросу о классификации политических партий: опыт применения западных теоретических концептов к анализу российской партийной системы // Власть. 2008. № 12. С. 71–75.
22. Муштук О.З. Генезис российской многопартийности и современная расстановка партийно-политических сил // Обозреватель: [Observer]. 2010. № 2. С. 42–51.

23. *Никитин А.Ф.* Российская многопартийность: истоки и перспективы // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 7. С. 21–24.
24. Новейшая история Отечества: XX век. В 2 т. Т.1. М., 2002. 447 с.
25. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
26. *Оськин С.А.* Особенности партийного строительства в современной России // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 201–210.
27. Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
28. *Постников Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России (1907–февраль 1917). М.: ИИУ МГОУ, 2013. 325 с.
29. Политические партии России 1907–1917 гг.: колич. анализ / Сост. и комм. Н.Д. Постников. М.: РНИСиНП, 2001. 141 с.
30. Политические партии в Российской Федерации: 2013 г. / Под общ. ред. Л.Г. Ивлева. М.: ЦИК РФ, 2013. Выпуск 1. 240 с.
31. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Российская газета. 2011. 11 ноября.
32. Сравнительный анализ политических культур: парадигмы и перспективы: матер. «круглого стола» // Вестник Российского университета дружбы народов. Политология. 2000. № 2. С. 124–138.
33. *Степанов С.А.* Черная сотня в России: 1905–1914 гг. М.: Росвузнаука, 1992. 329 с.
34. *Федорченко С.Н.* Искусство политического менеджмента. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 200 с.
35. *Шайпак Л.А.* Концепции классификации политических партий России в начале XX века // Симбирский научный вестник. 2011. № 2(4). С. 62–65.
36. *Штоль В.В., Федорченко С.Н.* Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве // Обозреватель-Observer. 2013. № 6(281). С. 47–58.
37. *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. 562 p.
38. *Gunter R., Diamond L.* Types functions of parties // Political Parties and Democracy. Ed. by L. Diamond and R. Gunther. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 3–39.
39. *Kitschelt H.* Formation of the Party Cleavages in Postcommunists Democracies // Party Politics. 1995. № 4. P. 447–472.
40. *Lipset S.M.* The Americanization of the European left // Political Parties and Democracy. Ed. by L. Diamond and R. Gunther. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 52–66.
41. *Michels R.* Political Parties: a Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., L.: The Free Press, 1968. 380 p.
42. *Oversloot H., Verheul R.* Managing Democracy: Political Parties and the State in Russia // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2006. № 22/3. P. 383–405.